

На правах рукописи

ТАРУСИН ПАВЕЛ ВЛАДИМИРОВИЧ

**ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА В ПРОЦЕССАХ ФОРМИРОВАНИЯ
ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКИ**

Специальность 23.00.02 - Политические институты, процессы и технологии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата политических наук

Москва

2010

Работа выполнена на кафедре политического анализа факультета государственного управления МГУ имени М.В.Ломоносова.

Научный руководитель	доктор политических наук, профессор Соловьев Александр Иванович
Официальные оппоненты	доктор политических наук, профессор Гаман-Голутвина Оксана Викторовна кандидат политических наук Крохина Елизавета Евгеньевна
Ведущая организация	Институт научной информации по общественным наукам Российской Академии Наук

Защита состоится 14 декабря 2010 г. в 16 час. 15 мин. на заседании диссертационного совета Д.501.001.27 при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4, аудитория А-619.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале Научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (МГУ, 1-й корпус гуманитарных факультетов).

Автореферат разослан " 08 " ноября 2010 г.

Ученый секретарь диссертационного совета, кандидат политических наук	Е.В.Андрюшина
--	---------------

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Одним из наиболее значимых результатов политических, социальных и экономических реформ в постсоветской России явилась системная трансформация механизмов и методов формирования, легитимации и реализации государственной политики. В свою очередь, коррекция сфер ответственности элитных групп, моделей взаимодействия между ними в процессах стратегического целеполагания обусловила изменение структуры и состава правящей элиты. Самым непосредственным образом эти модификации отразились и на осуществлении оборонной политики, являющейся одним из важнейших направлений в деятельности политической элиты.

Опыт новейшей политической истории страны наглядно продемонстрировал, что условия формирования оборонных стратегий, состав участников данных процессов претерпели значительные изменения. В частности, усиление открытости механизмов целеполагания в военной сфере привело к политизации значительного числа военно-стратегических и военно-технических вопросов. В обсуждение оборонных проблем ныне вовлекаются широкие социальные аудитории, многочисленные общественно-политические движения и группы интересов, характер участия и требования которых зачастую влекут непродуктивные последствия для функционирования различных военных структур.

Динамика подобного рода трансформаций во многом опередила процессы их научного осмысления. Как заметил А.Кокошин, принятие большей части военно-стратегических решений в настоящее время осуществляется лицами, не обладающими достаточными научными знаниями и информацией относительно содержания и специфики функционирования современных процессов и механизмов формирования оборонной политики.¹ Не случайно выбор конфигурации и механизмов разработки оборонных стратегий, выход на оптимальные режимы реализации последних в значительной степени осуществляется методом проб и ошибок, без должного привлечения теоретических инструментов. При постановке военно-стратегических целей и задач не в полной мере учитывается и роль субъективных параметров, обусловленных неготовностью, а порой и неспособностью, правящей элиты (особенно ее политико-административного, ведомственного компонента) обеспечить соответствие оборонных стратегий национальным приоритетам и реально располагаемым ресурсам, разработать и осуществить их эффективную реализацию. Недостаточно внимания уделяется и действиям корпоративных акторов и групп интересов

¹ "Во многих сегментах российского политического класса, государственного аппарата и крупного бизнеса ... отсутствует понимание ... процесса формирования стратегии". Кокошин А.А. О стратегическом планировании в политике. - М.: КомКнига, Институт проблем международной безопасности РАН, 2007. С.12.

внутри элитарных коалиций, накладывающим ограничения на эффективность функционирования механизмов выработки и реализации оборонной политики.

Констатируя сложившееся положение, можно говорить о возникшем расхождении между реальным состоянием элитарной структуры, характером участия её элементов в процессе формирования оборонных стратегий и институциональными основаниями их деятельности. В частности, такое несоответствие находит отражение «в конфликте командной логики, на которой по-прежнему основана система ожиданий всех институтов государственной власти, с реальным поведением ... акторов, которые либо должны ... быть инструментами государства, либо претендуют на этот статус при ее воплощении в жизнь».²

Для более адекватной оценки как нынешнего, так и перспективного состояния оборонной политики нашей страны, понимания специфики применяемых здесь механизмов и технологий целеполагания следует выявить характер влияния различных сегментов политической элиты на содержание военно-стратегических решений. В свою очередь, такая постановка вопроса требует учета особенностей поведения и мотивов участия группировок (коалиций) правящей элиты, обладающих различными функциональными нагрузками в процессе формирования оборонной политики. Однако влияние функциональной дифференциации правящей элиты на государственное регулирование в сфере обороны, а также проблемы перевода политических установок в конкретные управленческие решения довольно слабо отражены в научных исследованиях.

Такое положение дает все основания утверждать, что изучение характера и механизмов участия различных сегментов высшего военного руководства в формировании оборонной политики российского государства позволит глубже понять процессы планирования военно-стратегических целей, увидеть возможности и формы привлечения к этому процессу иных государственных и гражданских структур. По нашему мнению, решение подобного типа задач требует концептуализации дополнительных понятийных инструментов для более точного и корректного описания процессов и механизмов формирования оборонной политики и деятельности их участников.

Степень научной разработанности проблемы. Обзор научных, во многом западных источников, свидетельствует о наличии значительных достижений в области исследования правящей элиты, ее структуры и каналов комплектования, механизмов и процедур осуществления управляющим слоем политической власти.³ Однако, обращаясь к отмеченным научным разра-

² Салмин А.М. Изнанка внешней политики / Российская политическая наука. В 5 томах / Под общ. ред. А.И.Соловьева. - М.: РОССПЭН, 2008. Том 5. С.701.

³ См. Миллс Р. Властвующая элита. - М.: Изд-во иностр. лит., 1959.; Dye T. Who's Running America? The Bush Era. - Englewood Cliffs, Prentice Hall, 1990; Putnam R. The Comparative Study of Political Elites. - N.Y., 1976;

боткам, необходимо учитывать национальную специфику элитарных структур, разнообразие моделей и практик их взаимодействия друг с другом при выполнении своих политических ролей и функций. В то же время следует видеть, что тематика и направленность научных исследований в значительной степени задаются сложившимися в обществе традициями, отражающими в свою очередь характер исторической эволюции национальных политик. Они-то и обуславливают несовпадение ракурсов изучения взаимодействий внутри правящей элиты по поводу формирования различных направлений государственной политики.

Так, в развитых демократических странах с устойчивыми политическими системами центральным предметом исследований являются сами политические системы, направляющие функционирование государственной власти и правящей элиты. В транзитных странах, к которым большинство ученых относит и Россию, ключевое место занимают иные проблемы организации политической власти и ее составляющих, главным из которых выступает политическая элита.⁴ Соответственно, в западной традиции взаимодействие военных и политических структур рассматривается в основном в формате военно-гражданских отношений,⁵ а в России – в категориях военно-политической элиты.

Причем в рамках концепта *военно-гражданских отношений* деятельность высшего военного руководства анализируется, прежде всего, с точки зрения обеспечения гражданского контроля над силовыми структурами. При этом практические аспекты участия военного истеблишмента в формировании оборонной политики – то есть, сами модели и механизмы участия – зачастую остаются закрытыми для научных исследований. Значительное число зарубежных научных разработок, посвященных проблемам политической роли российского военного руково-

Marger M. N. *Elites and Masses. An introduction to Political Sociology.* - N.Y., 1981; Вебер М. Избр. произв., - М., 1990; Сартори Дж. *Вертикальная демократия.* Полис, 1993. № 2; Бурдьё, П. *Социология политики.* - М.: Socio Logos, 1993; Пинто, Д. *Элиты в демократических обществах // Вестник Московской школы политических исследований.* - 1995. - № 1; Field, L, Highly, J. *Elitism.* L., 1980; Дай Т., Зиглер Л. *Демократия для элиты. Введение в американскую политику.* - М.: Юридическая литература, 1984; Роберт А. Даль. *Полиархия: участие и оппозиция.* - М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2010 и др.

⁴ "Можно спорить о качестве военной политики, но, в основном, не о легитимности механизмов ее формирования. Этого нельзя сказать о России. Качество результатов ее военной политики не главный вопрос, он вторичен относительно качества функционирования демократических государственных институтов в целом". David J. Betz. *Civil-Military Relations in Russia and Eastern Europe.* - L.: Routledge, 2004. С. 67.

⁵ См. Cohen, Eliot A. *Civil-Military Relations: Are U.S. Forces Overstretched?;* Huntington, Samuel P. *Reforming Civil-Military Relations;* Он же. *The Soldier and the State: The Theory and Politics of Civil-Military Relations;* Kohn, Richard H. *Out of Control: The Crisis in Civil-Military Relations;* Schiff, Rebecca L. *Civil-Military Relations Reconsidered: A Theory of Concordance;* Smith, Louis B. *American Democracy and Military Power: A Study of Civil Control of the Military Power in the United States;* Andrew J. Bacevicy. *The new American militarism.*

дства,⁶ являются скорее критическим, отчасти идеологизированным по своему содержанию, обобщением работ независимых отечественных исследователей. Указанные факторы накладывают серьезные ограничения на заимствование из западной политологии понятий и категорий, обозначающих специфичные элементы их политических систем, практик и процессов, для описания специфических явлений российской политики.⁷

В советский период по цензурным соображениям отечественные ученые в области общественных наук крайне редко и лишь намеками признавали факт существования, а тем более исследовали национальную элиту. Одним из исключений явился труд М.Восленского "Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза", впервые вышедший в свет в 1980 году на немецком языке в издательстве Fritz Molden. Разработка категории «элита» в российской политической науке в основном началась с распадом советского строя. С середины 1990-х годов появляются систематизированные исследования, посвященные отдельным ключевым направлениям элитологии; к настоящему времени количество опубликованных работ в данной научной области перевалило за тысячу. Путем постепенного освоения потенциала классических и современных западных теорий, интенсивного накопления и осмысления эмпирических данных относительно процессов комплектования и ротации правящей элиты отечественная школа элитологии сумела окончательно сформироваться к концу 1990-х годов.⁸

Так, концептуальное содержание классических и современных теорий элиты было подвергнуто детальному исследованию Г.Ашиным, предложившим ряд подходов к систематизации их эвристического потенциала.⁹ Анализ трансформации проблемного поля элитистских иссле-

⁶ См. Taylor, Brian D. *Politics and the Russian Army. Civil-Military Relations, 1689-2000*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003; Сборник "Вооруженные силы России: власть и политика / Под ред. Стивена Э.Миллера и Д.Тренина. Американская академия гуманитарных и точных наук. МТИ-пресс. Кембридж, штат Массачусетс, 2005; Robert Arnett. *Russia After the Crisis: Can Civilians Control the Military?* // *Orbis* 38 /Winter 1994/: 50; Anton Bebler. *On the Evolution of Civil-Military Relations in Eastern and Central Europe*. Inter-University Seminar Newsletter 23 /Fall 1994/: 9; Zoltan Barany. *Superpresidentialism and the Military: The Russian Variant*. *Presidential Studies Quarterly*, Vol. 38, 2008 и др.

⁷ Пляйс Я.А. О генезисе, предмете и современном состоянии политической науки в России. / *Российская политическая наука*. В 5 томах. / Под общ. ред. А.И.Соловьева. - М.: РОССПЭН, 2008. Том 5. С.691-699.

⁸ Ашин Г.К. *Элитология*. - М.:МГИМО-Университет, 2005. С.19.

⁹ См. Ашин Г.К. *Элитология*. Учебное пособие. - М.: МГИМО-Университет, 2005; Он же. *Формы рекрутирования политических элит // Общественные науки и современность*. - 1998. - №3. С.85-96; Он же. *Дилемма элиты: истинные и мнимые проблемы // Власть*. - 2000. - №3. С.13-21; Он же. *Толерантность и элита // Власть*. - 2002. - №5. С.28-36.

дований выполнен В.Моховым.¹⁰ Изучение проблематики концепций власти применительно к функционированию властных элит представлено в работах В.Ледяева.¹¹ Институциональный подход к политико-социологическому анализу властных элит отражен в исследованиях А.Дуки.¹² Совмещение институциональных характеристик российских элит и параметров постсоветских политических режимов заявлено в аналитическом подходе А.Зудина.¹³ Исследование патрон-клиентских отношений в системе взаимодействия массовых и элитных групп стало основным содержанием работ М.Афанасьева.¹⁴ Вопросы концептуального осмысления истории и практики российского элитогенеза, глубокой систематизация понятийно-категориального аппарата элитологии представлены в работах О.Гаман-Голутвиной.¹⁵ Основные принципы элитистской парадигмы, социальные и антропологические факторы детерминации элит, цивилизационного своеобразия и принципов циркуляции элит, механизмы элитогенеза уточнены

¹⁰ Мохов В.П. Современный российский элитизм: трансформация проблемного поля / Властные элиты современной России. Ростов-на-Дону, 2004; Он же. Элитизм и история. Проблемы изучения советских региональных элит. Пермь: ПГТУ, 2000.

¹¹ Ледяев В.Г. Власть. - М.: РОССПЭН, 2000; Он же. Социология властных элит: концептуальные проблемы / Властвующие элиты современной России в процессе политической трансформации / Отв. ред. В.Г.Игнатов, О.В.Гаман-Голутвина, А.В.Понеделков, А.М.Старостин. Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 2004.; Он же. Власть, авторитет и господство в России: основные характеристики и формы / Административная реформа в контексте властных отношений: сравнительная перспектива / Под ред. А.Н.Олейника и О.В. Гаман-Голутвиной. - М.: РОССПЭН, 2008.

¹² Дука А.В. Институционализация политико-административной элиты в Санкт-Петербурге // Полития. - 2003. - № 2; Он же. Проблемы институционализации российской политико-административной элиты: экономический и глобальный аспекты // Власть и элиты в современной России: Сб. науч. статей / Под ред. А.В.Дуки. - СПб: Социологическое об-во им. М. М. Ковалевского, 2003; Он же. Элита третьего пути: вызовы и ответы российской элиты / Властные элиты современной России в процессе политической трансформации / Отв. ред. В.Г.Игнатов, О.В.Гаман-Голутвина, А.В.Понеделков, А.М.Старостин. - Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 2004.

¹³ Зудин А.Ю. Российские элиты при В.Путине / Властные элиты современной России. Ростов-на-Дону, 2004.; Он же. "Советское наследие" и особенности первичной дифференциации / Россия: вчера, сегодня, завтра. С точки зрения экспертов. - М.: ЦПТ, 2008.

¹⁴ Афанасьев М.Н. Клиентелизм и российская государственность. М.: МОНФ, 1997. Он же. Изменения в механизме функционирования правящих региональных элит // Политические исследования. - 1997. - №6. С.59-66. Он же. Правящая элита России: образ действия // Мировая экономика и международные отношения. - 1998.- №4. С.46-57.

¹⁵ Гаман-Голутвина О.В.. Политические элиты России в историческом процессе. Закономерности формирования и тенденции развития // Россия XXI.- 1996.- №5-6. - С. 53-66; Она же. Политические элиты: эволюция теоретических концепций. - М.: РАГС, 1996.; Она же. Политическая элита России. Вехи исторической эволюции. - М.: Интеллект, 1998; Она же. Российские элиты в зеркале политической науки. Политические элиты в условиях электорального формата трансформации власти. Тамбов, 2009.

А.Понеделковым и А.Старостиным.¹⁶ В результате научной деятельности российских элитологов фундаментальные аспекты теории элиты разработаны достаточно полно.

Тем не менее, анализ содержания источников исследования позволяет говорить об определенном дефиците научных работ, посвященных концептуальному описанию механизмов и технологий принятия государственных решений, разработке моделей участия политической элиты в осуществлении функций стратегического целеполагания, предполагающих анализ соотношения властных и управленческих процессов.¹⁷ Одновременно стоит отметить и определенную несбалансированность в подходах к описанию предметно-ролевых функций российской элиты. Как правило, проблемы правящей элиты рассматриваются в отрыве от содержания и функционирования процессов и механизмов стратегического целеполагания, причем анализ их сущностных факторов «подменяется исследованием методик решения встающих ... управленческих проблем».¹⁸ Широкое распространение приобрели как сугубо политизированные (в значительной степени, критически оценивающие объективно складывающиеся властные практики), так и формально-юридические подходы, ставящие во главу угла описание институциональных норм и процедур, формально определяющих служебные роли и статусы высших должностных лиц в системе государственного управления.

Не получили должного освещения и соответствующие механизмы и процессы участия элит в военно-стратегическом целеполагании.¹⁹ Отдельные аспекты данной проблематики фрагментарно затрагиваются в ряде трудов военных ученых, посвященных формированию во-

¹⁶ Понеделков А.В. Политико-административные элиты России в середине 90-х гг. XX века и 10 лет спустя. Теоретический и прикладной аспекты анализа. Ростов-на-Дону: СКАГС, 2005; Старостин А.М. Эффективность деятельности административно-политических элит: критерии оценки и анализ состояния в современной России. Ростов-на-Дону: СКАГС, 2003.

¹⁷ Анализ существующих научных подходов и теорий процессов и механизмов принятия государственных (политических) решений достаточно подробно представлен в работах А.Соловьева и А. Дегтярева. См.: Соловьев А.И. Принятие государственных решений: учебное пособие. - М.: КНОРУС, 2006; Дегтярев А.А. Принятие политических решений: учебное пособие. - М.: КДУ, 2004; Он же. Механизм принятия политических решений: попытка разработки комплексной модели. / Российская политическая наука. В 5 томах / Под общ. ред. А.И.Соловьева. - М.: РОССПЭН, 2008. Том 5. С.806-825.

¹⁸ Соловьев А.И. Колебательно-маятниковый механизм принятия государственных решений: к обоснованию когнитивных моделей. // Политические исследования. - 2005. - №4. С.6-7.

¹⁹ Одной из редких в данном отношении является работа Щипалова В.В. Исследование методов поддержки принятия решений высшим военно-политическим руководством по стратегическим вопросам военной безопасности Российской Федерации / Военная безопасность Российской Федерации в XXI веке. Сборник научных статей / Под общ.ред. А.В.Квашнина. - М: ГШ ВС РФ, 2004. С.191-210.

енной политики в России.²⁰ Из опубликованных в последнее время в открытой печати работ по данной тематике стоит отметить диссертационные исследования И.Харичкина,²¹ В.Колесникова,²² И.Бродкина,²³ С.Маслова,²⁴ В.Шерпаева,²⁵ а также сборник научных статей, подготовленный ЦВСИ ГШ ВС РФ.²⁶

В большинстве современных российских научных работ, относящихся к формированию оборонного курса, рассматриваются, главным образом, вопросы содержания военной политики, условия, формы и способы применения Вооруженных сил, но отнюдь не конкретные субъекты, обладающие собственными интересами и подходами в процессе ее формирования и реализации. Проблемы взаимодействия и соотношения политических и военно-стратегических факторов в содержании оборонных решений затрагиваются, в основном, в рамках классической формулы

²⁰ См.: Свечин А.А. Стратегия. - М.: Кучково Поле, 2003; Кокошин А.А. О стратегическом планировании в политике. - М.: Комкнига, 2007; Он же. Очерк политики как феномена общественной жизни. - М.: Ленанд, 2008; Он же. Политология и социология военной стратегии. - М.: Комкнига, 2005; Он же. Стратегическое управление: теория, исторический опыт, сравнительный анализ, задачи для России. - М.: Росспэн, 2003; Барабин В.В. Военно-политическая деятельность государства в системе национальной безопасности (соц. - фил. анализ). Автореф. дис. канд. филос. наук. - М.: ВУ, 1999; Золотарев В.А. Военная безопасность Государства Российского. - М.: Кучково поле, 2001; Емельяшин В.П. Армия и политическая власть в современной России: проблемы взаимодействия и тенденции развития. Автореф. дис. канд. полит. наук. - М.: РАГС, 2000; Кривенко А.М. Военная организация России в условиях социальной трансформации (политологический анализ). Автореф. дис. д-ра полит. наук. - М.: ВУ, 2003; Макаренков Е.В. Военно-политическое решение: подготовка, принятие, проблемы реализации. Автореф. дис. д-ра филос. наук. - М.: ВУ, 1999; Михайленок О.М. Вооруженные силы в переломные эпохи российской государственности (конец XIX - начало XXI в.): историко-политологический анализ.- М.: ВУ, 2002; Бельков О.А. О военной безопасности // Власть. - 2003. - № 10; Каверин Б.И. Политика и вооруженные силы: философские аспекты.- М.: ВУ, 1995 и др.

²¹ Харичкин И.К. Политическая элита и ее роль в обеспечении национальной безопасности России. Автореф. дис. д-ра филос. наук. - М.: ВУ, 1999.

²² Колесников В.В. Социально-политические аспекты военного элитобразования в современной России. Автореф. дис. канд. социолог. наук.- Саратов: Саратовский ГУ. 2008.

²³ Бродкин И.А. Политическая и военная элиты современного российского общества: проблемы взаимодействия. Автореф. дис. канд. полит. наук. - М.: ВУ, 2005.

²⁴ Маслов С.В. Военная элита. Политологический анализ формирования. Автореф. дис. канд. филос. наук. - М.: ВУ, 1995.

²⁵ Шерпаев В.И. Военная элита в политическом процессе современной России. Автореф. дис. д-ра полит. наук. Екатеринбург: Екатеринбургский ГУ, 2008.

²⁶ Военная безопасность Российской Федерации в XXI веке. Сборник научных статей. / Под общей редакцией Квашнина А.В. - М: ГШ ВС РФ, 2004.

К.Клаузевица «война есть продолжение политики».²⁷ Между тем в странах с устоявшимися демократическими режимами особую актуальность и общественную значимость приобретают проблемы эффективности механизмов и инструментов формирования и реализации военной политики, качественное состояние элитарной страты, от которой, собственно, и зависят конкретные механизмы целеполагания, инструменты контроля, технологии взаимодействия и проч.

Таким образом, необходимость разработки теоретических моделей формирования и принятия военно-стратегических решений, отражающих характер и содержание участия в них высшего военного руководства, обусловлена не только потребностями оптимизации и рационализации механизмов формирования и реализации оборонной политики, но и фактическим отсутствием подобных научных исследований.

Цель исследования – выявление места и роли военно-политической элиты в процессах и механизмах формирования оборонной (военной) политики в современной России.

Задачи, вытекающие из поставленной цели, предполагают:

- выделение и концептуализацию понятия «военно-политическая элита», определение механизмов и инструментов выполнения данной группой своих управленческих функций в ходе формирования и реализации оборонной (военной) политики;

- характеристику состава и структурных особенностей военно-политической элиты, отражающих специфику выполняемых ею функций и деловой среды профессиональной деятельности; выявление политических и военно-стратегических факторов, влияющих на процессы перевода заданных политических установок в формат ведомственных стратегий;

- выявление специфики существующих механизмов и технологий участия основных субъектов в формировании оборонной политики, раскрытие факторов и перспектив (ограничений) повышения их эффективности при решении военно-стратегических задач;

- выделение этапов и стадий военно-стратегического целеполагания; уточнение процедур и технологий, применяемых участниками разработки оборонной политики для продвижения собственных подходов; определение каналов и характера представительства социальных интересов в сфере обороны и их влияния на эффективность выработки оборонных решений;

- выделение факторов и причин влияния военно-политической элиты на содержание и оформление военно-стратегических целей, функционирование механизмов формирования оборонной политики;

²⁷ Клаузевиц К. О войне. - М.: АСТ, 2002. С. 11.

- теоретическое описание современных практик и технологий взаимодействия (коммуникаций) высшего военного руководства с основными контрагентами, перспектив их эволюции в процессе разработки и реализации оборонных стратегий.

Объектом исследования выступают процессы формирования оборонной политики (военно-стратегического целеполагания) в современной России.

Предмет исследования – функции и роль, механизмы и технологии участия военно-политической элиты в процессах формирования российской оборонной политики.

Теоретико-методологические основания диссертационного исследования представляет совокупность подходов и способов научного анализа, определяемых целью и задачами данного исследования, сущностью и особенностями объекта и предмета изучения. В качестве основного использован структурно-функциональный подход, рассматривающий военно-политическую элиту в качестве функциональной группы, реализующей функцию стратегического целеполагания в сфере обороны. Данный метод позволил описать функциональные и структурные свойства моделей участия военно-политической элиты в процессах военно-стратегического целеполагания, наметить пути совершенствования механизмов и процедур формирования оборонных стратегий. Среди других методов политической науки, позволивших адаптировать разнообразные теоретические концепты и прикладные модели к целям исследования, использовались социологический, сравнительный, системный, институциональный и др., а также методы включенного наблюдения.

Эмпирическая база исследования представлена массивом документальных источников, в том числе нормативно-правовыми актами Российской Федерации, регулирующими сферу обороны, официальными документами и заявлениями высших руководителей государства и министерства обороны, материалами политических, социологических и экономических исследований, опубликованных в открытой печати. Дополнительные информационные источники составили статистические и биографические данные представителей российской политической элиты, мемуары политических и общественных деятелей, крупных военачальников, публикации в периодических изданиях и сети Интернет. Особо ценными оказались замечания и пояснения А.Кокошина, других представителей руководства военного ведомства, а также результаты включенного наблюдения, личные впечатления и опыт работы диссертанта во время прохождения им военной службы.

Научная новизна исследования заключается в разработке оснований теоретической модели, позволяющей путем использования новых когнитивных инструментов раскрыть характер участия высшего военного руководства в разработке российской оборонной политики, теоретически описать специфику использования данным субъектом механизмов военно-стратегического целеполагания при выполнении ведомственных функций.

В данном контексте к наиболее существенным результатам, полученным лично исследователем, относятся:

- обоснование и введение в научный лексикон понятия «военно-политическая элита», отражающее позиционирование в составе правящей элиты высшего руководства министерства обороны, принимающего/оказывающего влияние на содержание и разработку военно-стратегических решений;

- структурирование и характеристика роли военно-политической элиты как ведущего субъекта трансформации политических целей в ведомственные стратегии; описание институциональных и неинституциональных особенностей данного типа представительства социальных интересов в сфере обороны;

- выделение перечня политических и военно-стратегических факторов (возможностей и условий оптимизации их соотношения), влияющих на содержание принимаемых решений;

- раскрытие специфики содержания и функционирования механизмов формирования оборонной политики, а также применяемых участниками этого процесса механизмов и технологий; определение резервов (ограничений) повышения эффективности системы военно-стратегического целеполагания;

- теоретическое описание основных моделей участия военно-политической элиты в процессах и механизмах формирования оборонных стратегий; выявление особенностей ее взаимодействия с основными контрагентами при оформлении и реализации военно-стратегических целей (задач), определение перспективных направлений и условий их взаимодействия.

Положения, выносимые на защиту:

1. Военно-политическая элита, представляющая совокупность лиц, занимающих ключевые позиции в структуре управления министерством обороны, является ведущим субъектом военно-стратегического целеполагания (принятии решений в оборонной сфере).

2. Базовые основания влияния руководства военного ведомства на содержание военно-стратегических целей заключаются в институционально закреплённом положении в структуре управления вооружёнными силами государства и соответствующих функциях по операционализации задаваемых политических целей. Будучи институциональным каналом трансляции государственных интересов в оборонной сфере, военно-политическая элита обладает возможностями продвижения собственным групповых потребностей в рамках обозначенных стратегий.

3. Наряду с реализацией государственных целей существенным содержанием участия военно-политической элиты в процессах разработки оборонной политики является борьба за ресурсы, продвижение собственных подходов к оценке форм и методов решения существующих проблем в оборонной сфере, групповая институализация и сохранение позиций во властном пространстве.

4. Содержание, формы и методы взаимодействия военно-политической элиты с контрагентами последовательно изменяются под влиянием внешних и внутренних факторов. На смену методам доминирования в сфере обороны и недопущения сторонних участников к разработке и реализации целей оборонной политики приходят манипулятивные подходы и практики, обеспечивающие контроль над политической повесткой дня и благоприятное позиционирование ведомственных инициатив среди внешних и внутренних контрагентов, обеспечение комфортной среды их принятия и последующей реализации.

Теоретическое значение диссертации состоит в расширении понятийного аппарата при изучении правящей элиты и ее деятельности по выполнению властно-управленческих функций. Основные положения диссертации способствуют углубленному описанию сущностных и операциональных параметров механизмов формирования оборонного курса, моделей взаимодействия политических субъектов и выполняемых ими ролей в процессах принятия военно-стратегических решений.

С практической точки зрения выводы и результаты работы могут быть использованы при выборе механизмов и моделей решения широкого спектра прикладных проблем оборонной политики в целях оптимизации взаимодействия их основных участников, усиления влияния институциональных норм на процессы военно-стратегического целеполагания. Основные положения диссертации также могут применяться для обновления и разработки ряда курсов политологического цикла в высшей школе.

Апробация работы. Основные выводы, положения и идеи диссертационного исследования отражены в научных публикациях автора и в его выступлениях на научных конференциях, в том числе: на Международных конференциях «Ломоносов-2008» (Москва, 2008), «Ломоносов-2009» (Москва, 2009), 7-й и 8-й Международных конференциях факультета государственного управления МГУ имени М.В.Ломоносова «Государственное управление в XXI веке: традиции и инновации» (Москва, 2009, 2010). Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на кафедре политического анализа факультета государственного управления МГУ имени М.В.Ломоносова.

Структура работы включает в себя введение, две главы (4 параграфа), заключение и список использованной литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность выбранной темы, определяются цели и задачи, объект и предмет исследования, обозначаются его методологические и теоретические основания, характеризуется научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе **«Военно-политическая элита как субъект оборонной политики»** рассматриваются теоретические (концептуальные) основания выделения руководства военного ведомства в качестве одного из ведущих субъектов формирования и реализации оборонных стратегий.

Первый параграф **«Теоретико-методологические основания позиционирования военно-политической элиты»** посвящен обоснованию понятия «военно-политическая элита», рассмотрению подходов к выделению ее персонального состава и определению внутренней структуры, раскрытию сущностных параметров данного явления, обуславливающих его роль и специфику участия в процессах военно-стратегического целеполагания.

Руководствуясь принципами структурно-функционального подхода, автор рассматривает содержание выполняемых элитой функций, ее место и роль в механизмах и процессах стратегического целеполагания, структуре государственных институтов, создаваемых для выработки и реализации государственной политики. Проведенное в работе обобщение существующих подходов к выделению правящей элиты из состава политического класса дает автору возможность ограничить ее круг лицами, занимающими высшие позиции в институтах государственной власти и управления, что позволяет им принимать стратегические решения и распоряжаться основными общественными ресурсами.

Автор полагает, что главным системообразующим признаком правящей элиты выступает функция принятия/непринятия политических решений. В этом ракурсе дифференциация правящей элиты на «функциональные группы», отражая отраслевую специфику их влияния на процессы стратегического целеполагания, одновременно характеризует и диверсифицированный характер механизмов принятия государственных решений, складывающийся в результате взаимодействия отдельных направлений деятельности и сфер ответственности политического класса. Рассмотрение политической элиты в качестве функциональной группы, в свою очередь, предполагает изучение динамики выполнения ее ролевых нагрузок, а также организационных и (в том числе ведомственных) форм, в рамках которых данные роли исполняются.

Как показано в диссертации, преобладающая в политической науке дифференциация элиты по преимуществу соответствует традиционному подходу к рассмотрению взаимоотношений политики с социальной, экономической, военной и иными сферами общества (как объектами регулирования). По мнению автора, в нынешних условиях этот тип дифференциации не спосо-

бен точно отобразить функционирование механизмов и процессов выработки государственного курса, что требует выделения иного основания структурирования правящей элиты. По мнению автора, целесообразно ориентироваться на критерий, отражающий динамику всего жизненного цикла принятия решений и характеризующий управленческое оформление политических ориентиров в государственные стратегии.

В данной связи в диссертации обращается внимание на то, что специализация и усложнение государственных стратегий обуславливают последовательное усиление роли ведомственного руководства (как своеобразного внутри элитарного сегмента), обретающего реальные рычаги воздействия на содержание государственного курса. Технологической основой этого процесса выступает преобразование политических целей и ориентиров в управленческие решения, в предметно направленные действия, отражающие специфику той или иной сферы общественной жизни. Причем, в настоящее время углубляющаяся интеграция и взаимозависимость отраслевых направлений государственного курса заставляют привлекать к разработке и выполнению государственных стратегий различные группы правящей элиты. При этом выбор и состав участников процесса разработки и управленческого оформления целей задает уже не отраслевая принадлежность проблемы, а потребность в эффективной реализации конкретных функций государственного управления. Тем самым характер участия и степень влияния элитарных групп на выработку стратегических решений все более зависят от принадлежности к ведомственным структурам власти, а не от их отраслевой дифференциации.

Указанные основания позволили автору избрать в качестве базовых (в аспекте решаемой научной проблемы) критериев структурирования правящей элиты специфику исполняемых ею на постоянной основе функций государственного управления, а также их ведомственную принадлежность. Выделяемые по данному основанию *функционально-ведомственные элиты* представляют собой совокупность лиц, занимающих ключевые позиции в ведомственных структурах государственного управления, полномочия и ресурсы которых позволяют участвовать/оказывать влияние на принятие/непринятие и содержание стратегических решений в той или иной сфере государственной политики. Поскольку обеспечение обороны страны является одним из постоянных стратегических направлений в деятельности правящей элиты, то тот его сегмент, который непосредственно контролирует силовые ресурсы и осуществляет управление в сфере обороны, автор определяет как *военно-политическую элиту* (ВПЭ).

Изучение существующих подходов к определению элиты, позволив выявить пределы их применимости и эвристических возможностей, обусловило выбор автором статусного метода как наиболее приемлемого для решения задач исследования. В силу этого *военно-политическая элита* определяется в диссертации как совокупность лиц, занимающих ключевые позиции в структурах управления министерством обороны, полномочия и ресурсы которых позволяют ей

участвовать/оказывать влияние на принятие/непринятие стратегических решений в военной сфере, а также воздействовать на содержание целевых установок.

Анализ нормативно-правовых документов, регулирующих сферу оборонной политики, сопоставление военно-стратегических задач и служебных полномочий позволили автору очертить персональный состав военно-политической элиты, ограничив его министром обороны и лицами, занимающими должности, комплектуемыми из федерального кадрового резерва Вооруженных сил (назначение на которые осуществляется в персональном порядке высшим государственным руководством).

Автор связывает иерархическую структуризацию ВПЭ со степенью вовлечения ее членов в коммуникативные взаимодействия по поводу формирования оборонных стратегий. В данной связи подчеркивается, что вертикально-структурированные группы ВПЭ различаются масштабом и периодичностью привлечения к решению военно-стратегических задач, но, отнюдь, не результативностью своего участия. При этом формат такого участия определяется, прежде всего, объемом и содержанием должностных полномочий, а отчасти персональным статусом и устоявшимися внутриведомственными практиками. Разная степень включения этих лиц в механизмы и процессы разработки военной политики, масштаб рассматриваемых сюжетов предопределяют отличия элитарных уровней между собой, модели и масштабы их взаимодействия с внешними и внутренними контрагентами.

В дополнении к этому автор предлагает и горизонтальную структуризацию ВПЭ, отражающую специфику различных функциональных сфер военно-управленческой деятельности (или принадлежность к различным видам (родам) войск), выделяя *видовые* элитарные образования. Это дает возможность понять расхождение интересов различных группировок в высшем военном руководстве, порой исключаящих их сведение к общему знаменателю, а временами демонстрирующих даже принципиальную их несовместимость друг с другом.

Развивая исходные положения, автор показывает, что специфика функционирования ВПЭ на стыке политического и военно-стратегического уровней государственного управления оказывает непосредственное влияние на состояние ее качественного состава. Присутствие в составе ВПЭ двух ядерных структур: политических назначенцев и высшего генералитета, резко различающихся профессиональными и социокультурными качествами, существенно выделяет данную элитарную группу среди остальных функционально-ведомственных элит. Функционирование ВПЭ показывает, что влияние этих «ядерных» слоев на содержание оборонной политики даже более заметно, чем со стороны ее вертикально- и горизонтально-структурированных элементов. Перманентное оппонирование данных структур ВПЭ объективно выступает инструментом сдерживания и уравнивания политических и военно-стратегических факторов в

деятельности ведомственного руководства, затрудняя, однако, межличностную коммуникацию представителей разных сторон.

Во втором параграфе «**Специфика функциональной сферы деятельности российской военно-политической элиты**» рассматриваются базовые функции руководства военного ведомства, относящиеся к формированию оборонной политики, специфика вооруженных сил, факторы, повлиявшие на генезис российской военно-политической элиты.

В данном аспекте в диссертации отмечается, что военная политика отражает деятельность государства по организации и осуществлению обороны и обеспечению безопасности России, а также интересов ее союзников. Если содержательно оборонная политика является средством реагирования на военные угрозы, то процессуально она выступает инструментом институализации различных групповых интересов в пространстве власти, средством реализации потребностей соответствующих политических субъектов. При этом деятельность ВПЭ ограничивается лишь отдельным набором мер и усилий в сфере формирования оборонного курса, что фактически лишает ведомственное руководство статуса доминирующего субъекта военной политики. Основными функциями ВПЭ являются: перевод политических целей и установок в военные стратегии, управление вооруженными силами и обеспечение политического контроля над ними. Трансформируя политические решения в ведомственные стратегии и обеспечивая их реализацию, ВПЭ играет роль балансира, призванного минимизировать риски неоправданного вмешательства политики в сферу разработки военной стратегии, а равно военно-стратегических факторов в определение исходных политических ориентиров.

Вследствие своего пограничного положения на стыке различных уровней государственного управления деятельность ВПЭ приобретает противоречивый характер. С одной стороны, она позиционируется как инструмент правящей политической команды, в формате которого любые расхождения во взглядах на проблемы трактуются как средство борьбы за власть. В данном контексте ей приходится ориентироваться не столько на институциональные нормативно-правовые основания собственной деятельности, сколько на баланс сил в элите и обществе, реальное позиционирование собственных контрагентов в сфере формирования оборонной политики. С другой стороны, как составная часть ведомственной структуры она вынуждена рассматривать возникающие проблемы с точки зрения их рационального и эффективного разрешения. И здесь оппонирование выступает инструментом мультиплицирования альтернатив, увеличения поисковой зоны принятия решений.

Особое внимание в данном контексте автор уделяет вопросам закрытости процессов формирования оборонных стратегий. В политическом аспекте закрытость выступает средством отстранения конкурирующих групп от процессов выработки военно-стратегических решений путем переноса каналов презентации групповых интересов и внутриэлитарных взаимодействий в

неформальную плоскость, обуславливая крайнюю проблематичность контроля над их содержанием. Стремление ВПЭ к достижению конкурентных преимуществ в борьбе за ресурсы способствует сохранению высокой степени закрытости при разработке отдельных направлений военной политики и деятельности механизмов их проектирования. Манипулирование уровнем секретности позволяет военно-политической элите избегать политического и гражданского контроля. Секретность обостряет также проблему интеграции интеллектуальных усилий социума и военной корпорации при формировании оборонного курса.

Отражая специфику армии как государственного института, автор подчеркивает, что вооруженные силы являются не просто инструментом военной политики, лишенным собственных потребностей. Они всегда выступали особой группой интересов. При этом проблема присутствия военных структур в политике распадается на два аспекта: участие в политических процессах на стороне конкретных сил и влияние на содержание оборонного курса. Автор полагает, что мнение о недопустимости политической субъектности высшего генералитета есть отражение упрощенных представлений о взаимодействии политических и ведомственных структур при разработке военной стратегии. Необходимость участия высшего военного руководства в четко очерченных пределах в формировании оборонного курса обусловлена объективной зависимостью содержания политических целей от состояния и возможностей вооруженных инструментов их достижения.

Практика подтверждает, что вмешательство военных структур в политику носит исключительно инструментальный, а не самостоятельный характер. Как правило, на стороне и под контролем конкретных политических сил, связанных с высшим командованием вооруженных сил и использующих силовой ресурс как инструмент реализации собственных интересов. Участие военного руководства в политических процессах ограничено лишь выбором «старшего партнера», но никак не предполагает самостоятельных действий в данном пространстве.

Характер и частота вовлечения вооруженных структур в политические процессы определяются доминирующими моделями и характером внутри элитарных взаимодействий, а также принятой в социуме практикой отношений властвующих и подвластных. По мнению автора, предназначенное для обеспечения военной безопасности оборонное ведомство неизбежно встраивается в систему властного доминирования того или иного социального слоя и используется для реализации интересов последнего силовыми методами. Использованию вооруженных сил в интересах правящего режима служит назначение в руководство военными структурами собственных представителей (политических назначенцев) и установление близких доверительных отношений с высшим генералитетом путем его инкорпорирования в политическую элиту. Тем самым образуется особый «элитный сплав» (коалиция), деятельность которого приобретает ярко выраженную политическую окраску. Поэтому усиление контроля над военными структу-

рами видится автору не в ограничении участия военных в политике, а в формализации и демократизации самого политического процесса, устранении силового ресурса из сферы регулирования социальных и политических отношений.

Обобщение теоретических взглядов и политической практики подтверждает, что позиционирование военного руководства в структуре правящей элиты, в целом, определяется мерой социальной значимости оборонных приоритетов, а также способностями правящей элиты противостоять давлению высшего генералитета. В этой связи автором подчеркивается несостоятельность введения отдельными учеными понятия «милитократии», которое слабо соответствует реальному позиционированию ВПЭ в структуре правящей элиты и ее силового блока, составу лиц, рекрутируемых во властные структуры.

Ретроспективно оценивая состояние внутриэлитарных взаимодействий, автор делает вывод, что в России была реализована *субъективная* модель военно-гражданских взаимодействий, означающая достижение политической лояльности высшего генералитета в обмен на автономию в сфере военно-стратегического планирования и бесконтрольное распоряжение властью и выделяемыми ресурсами. Опасения политического руководства относительно чрезмерного усиления влияния ВПЭ, нежелание раздражать высший генералитет способствовали упрочению «*субъективной*» системы военно-гражданских отношений с опорой на использование спецслужб.

На специфику генезиса российской ВПЭ, по мнению автора, в значительной степени повлияли внешние условия и, прежде всего, фактор глобализации. Они способствовали тому, что целевые установки ведущих элитных групп стали все более определяться влиянием внешних структур и групп интересов, а сохранение национального суверенитета перестало быть решающим условием легитимации оборонного курса. Возникло противоречие между побудительными мотивами внешних факторов, влияющими на содержание и рамки политического формата, и основаниями функционирования оборонных структур, реализующими данный формат и исходящими из традиционного понимания национального суверенитета и методов его обеспечения. Доминирование в деятельности ВПЭ мотивов, имеющих исключительно внутренние системные основания, серьезно ограничивает пространство маневра и потенциальный коридор для достижения компромиссов, состав контрагентов и набор технологий взаимодействия с ними.

Автор подчеркивает, что принципиальные изменения качественного состава ВПЭ и моделей ее функционирования станут возможны лишь после коренной трансформации функциональной среды, прежде всего, за счет создания глобальной и/или региональных систем безопасности, изменения методов защиты национальных интересов с переходом от доминирующих силовых к политико-экономическим методам; трансформации моделей взаимоотношения власти и общества и схем внутри элитарного взаимодействия и т.п.

Во второй главе «**Модели и механизмы участия военно-политической элиты в разработке оборонных стратегий**» автор описывает место и роль руководства министерства обороны в процессах военно-стратегического целеполагания, раскрывает специфику применения им соответствующих механизмов и технологий принятия решений.

В первом параграфе «**Основные модели влияния военно-политической элиты на разработку оборонных стратегий**» исследуются сложившиеся модели влияния ВПЭ на содержание военно-стратегических решений.

В этих целях автор выделяет и кратко рассматривает основные черты двух идеальных типов систем военно-стратегического целеполагания:

- *плюральную*, основывающуюся на оптимальном разделении полномочий в сфере оборонной политики между законодательной и исполнительной властями;
- *моноцентрическую*, в которой исключительные прерогативы в оборонной сфере закреплены за единственным политическим институтом.

На основе предложенных рядом отечественных ученых трактовок механизмов принятия политических решений, автор характеризует *механизм формирования оборонного курса* как многоуровневый комплекс компонентов публично-кооперативной деятельности, который обеспечивает функции военно-стратегического целеполагания и выработку «формулы интересов» основных участников этих взаимодействий. Данные механизмы включают необходимые для выработки целей организационные формы и институциональные процедуры, участников и их ресурсы, инструменты и операции, а также определенные типы интеракций и коммуникаций между субъектами военно-стратегических решений.

Рассмотрев группы факторов, воздействующих на функционирование рассматриваемых механизмов, автор выделяет два уровня принятия оборонных решений: политический и военно-стратегический, интегрированные в рамках единого жизненного цикла, описывает основные характеристики и динамику их взаимодействия. При этом сфера функционирования ВПЭ фрагментарно захватывает оба уровня, придавая деятельности высшего военного руководства дуальный административно-политический характер.

Как показано в работе, при переходе с политического на военно-стратегический уровень принятия решений осуществляется перевод политических целей и ограничений (предполагающих национальные приоритеты и долгосрочные масштабы целеполагания) в конкретные ведомственные стратегии и планы действий по достижению поставленных целей. За счет такого способа ориентации органов управления неизбежно теряются многие содержательные (сущностные) моменты, что требует закладывания в механизмы формирования и реализации военной политики инструментов ее «тонкой коррекции», исключающих качественную перемену содержания принятых решений.

Предотвращение инверсии заданных политических ориентиров в ходе их технологической операционализации является одной из основных функций ВПЭ. В то же время качественная неопределенность формулируемых политических целей, задающих зону поиска военно-стратегических решений, порой лишает данную деятельность всякого смысла. Подобные цели предполагают излишне широкий выбор альтернатив и перспективных форм регулирования объекта. Причем управленческая конкретизация заданных целей фактически осуществляется субъектом, деятельность которого данные параметры и должны регулировать. Тем самым ВПЭ, ограниченная лишь объемом выделяемых ресурсов и отчасти сроками реализации, обретает высокую степень функциональной автономии. И именно от ее позиций в конечном итоге зависит конкретный дизайн и содержание военно-стратегического решения.

Основным содержанием *выработки стратегических решений* выступает борьба групп по поводу объема и контроля над бюджетными ресурсами. Теоретически размеры ресурсного обеспечения ведомственных структур определяются объемом и содержанием их функциональных задач. Однако на практике размеры финансирования в значительной мере зависят от способности руководства государственных структур обосновать и добиться удовлетворения собственных ресурсных претензий. Причины расхождений между группировками правящей элиты лежат, как правило, в различии подходов относительно методов и способов достижения целей, выбор которых и определяет направление ресурсных потоков. Тем самым концептуальное оппонирование приобретает инструментальный характер, и как средство групповой консолидации, институализации и отстройки от оппонентов, и как способ политической конкуренции.

Описывая механизмы формирования отечественной военной политики, особенности влияния военно-политической элиты на разработку оборонных стратегий, автор отмечает, что они более соответствуют принципам моноцентрической модели, отражающей традиционные для российской власти подходы и модели взаимодействия с внешней средой, неадекватные изменившимся реалиям способы регулирования социально-политических противоречий.

Проведенный в работе анализ механизмов и процессов военно-стратегического целеполагания позволяет автору характеризовать *модель участия ВПЭ* в формировании оборонного курса, описать формы и практики взаимодействия руководства военного ведомства с основными контрагентами по поводу выбора методов разрешения военно-стратегических проблем и распределения ресурсов. В этой связи автор выделяет и характеризует два типа подобных моделей:

- *коалиционную*, отличающуюся вступлением ВПЭ в альянсы с политическими субъектами и контрагентами с присущими этому процессу практиками и процедурами политического торга относительно вопросов ресурсного обеспечения;

- *вертикально-центрированную*, предполагающую функционирование высшего военного руководства в нормативно заданных рамках, его отстраненность от групповых взаимодействий по поводу распределения ресурсов и невмешательство в политические процессы.

Характеризуя нынешнюю модель влияния российской ВПЭ на процессы выработки оборонного курса, автор отмечает ее значительное приближение к вертикально-центрируемой модели. Широкая автономия военного руководства в процессах принятия и реализации военно-стратегических решений в области военной политики ограничена лишь рамками института президента, который не в состоянии обеспечить действенный контроль над его деятельностью. Взаимодействие главы государства и военных руководителей лишается сторонних сдержек и противовесов, что делает данных контрагентов чрезмерно зависимыми друг от друга и переводит значительную часть их отношений в плоскость личных контактов. При этом, фактически монополизировав контакты с главой государства в сфере принятия военно-стратегических решений, само высшее военное руководство лишается поддержки других фракций политической элиты, оставаясь наедине со своими проблемами.

В результате возникает и развивается широкая сеть теневого, неинституализированных связей между соответствующими группами интересов и военным ведомством. Высшие статусные позиции оборонного ведомства выступают как неформальные узлы соединения военно-административного аппарата и каналов представительства, через которые и осуществляется презентация интересов отстраненных от военной политики групп.

В этой связи автором подробно описываются особенности взаимодействия и роли различных группировок ВПЭ в процессе формирования и реализации военно-политических целей и ведомственных стратегий, технологии и практики продвижения собственных групповых интересов и требований партнеров в область оборонной политики. Отмечается, что основные потоки презентации интересов социальных аудиторий и групповых субъектов в сферу оборонной политики следует направлять через институциональные каналы системы представительства интересов, избавив тем самым ВПЭ от исполнения несвойственных ей представительских функций. Подмена данных каналов посредническими коммуникациями с оборонным ведомством свидетельствует о глубокой дисфункции самой системы представительства и неадекватности механизмов военно-стратегического целеполагания современным требованиям.

Во втором параграфе **«Механизмы и технологии участия военно-политической элиты в принятии военно-стратегических решений»** анализируются содержание и характер взаимодействий ВПЭ с основными категориями участников процессов выработки и оформления военно-стратегических решений на различных этапах целеполагания.

Для удобства описания данных взаимодействий автор использовал стадийную логику их функционирования, выделив те этапы жизненного цикла решений, на которых интеракции с

участием ВПЭ существенно влияют на содержание военно-стратегических целей и оборонных стратегий. Предварительно в работе дается характеристика указанных этапов, основных алгоритмов процессов целеполагания, состава и ролей ведущих участников, их основных мотивов, задач и содержания доминирующих практик и технологий, используемых на тех или иных площадках выработки/принятия решения.

В контексте исследования автор выделяет следующие категории основных контрагентов российской ВПЭ:

- государственные органы и институты, участие которых в процессах военно-стратегического целеполагания осуществляется регулярно на основе нормативно закреплённых полномочий и предписанных норм и процедур;

- негосударственные (независимые) акторы, чьи интересы относительно рассматриваемых проблем объективно не могут быть проигнорированы, и которые привлекаются вне установленных норм спорадически и на отдельных этапах процесса формирования оборонных стратегий.

В этой связи автором подробно проанализированы природа и содержание взаимодействий российской ВПЭ с основными участниками процессов выработки оборонной политики, рассмотрены площадки и формы осуществления данных интеракций. Проведенное исследование показывает, что характер и специфика взаимодействия ВПЭ с контрагентами в решающей мере определяется реальными возможностями последних, а не их формальными статусами и прерогативами. В своей функциональной деятельности ведомственное руководство предпочитает базироваться лишь на выборочных контактах, возникающих между главой государства и субъектами, устойчиво влияющими на процессы формирования оборонного курса. Ограничения, накладываемые позициями наиболее влиятельных и ресурсно обеспеченных групп, заставляют ВПЭ разворачиваться в сторону их интересов, вступая с ними в разнообразные альянсы.

В условиях неопределенности процессов функционально-ролевой идентификации ЛПР руководство министерства обороны вынуждено ориентироваться на фактические центры принятия военно-стратегических решений. В результате коммуникационные потоки, продуцируемые на ведомственных уровнях (а равно учитывая сложившуюся конъюнктуру), направляются по вертикальным каналам, замыкающимся на различных статусных субъектах, которые затем и выступают в качестве реальных ЛПР. Подобные факторы вызывают расхождения и противоречивость различных элементов формального механизма военно-стратегического целеполагания.

Глава государства выступает ведущим контрагентом ВПЭ практически на всем протяжении жизненного цикла решения, что соответствует особенностям вертикально-центрированной модели. Утверждая повестку дня, устанавливая формат активности государственных структур, влияя на состав участников, характер и содержание их интеракций, регулируя применение ин-

ституциональных процедур и норм, президент определяет саму модель взаимодействия военно-политической элиты с контрагентами как в целом (в рамках процесса целеполагания), так и на отдельных его стадиях. Тем самым, конкретная конфигурация этих процедурных параметров, в значительной степени определяющих ход и результаты функционирования всего механизма целеполагания, становится главным предметом деловых коммуникаций между главой государства и руководством министерства обороны.

Специфика контактов военно-политической элиты с первым лицом, ограниченных как числом каналов и частотой их использования, так и составом участников, предполагает рассмотрение в ходе встреч наиболее существенных проблем. Лоббирование же рутинных вопросов, регулярное вовлечение президента в процедуры межведомственного согласования технологических проблем практически невозможно (за исключением случаев, когда данные сюжеты используются в политических целях). Тем самым, сама природа взаимодействий внутри треугольника - президент, правительство и высшее военное руководство - подталкивает последнее к развитию горизонтальных коммуникаций в рамках структур исполнительной власти.

Расширенное участие руководства министерства обороны в деятельности кабинета министров формирует поле взаимодействий ВПЭ и других фракций политической элиты, а также усиливает мотивы для создания коалиций, возможности торга и политической игры. Возникающие контакты превращаются в устойчивые центры межведомственных коммуникаций, способствуя созданию разнообразных альянсов, основной целью которых является сохранение изначально закладываемых (целевых и ресурсных) параметров процесса целеполагания.

К сожалению, роль и полномочия представительной власти в сфере военной политики крайне ограничены, что предопределяет отношение ВПЭ к парламенту как к одной из площадок коммуницирования основных участников процессов формирования оборонного курса и не стимулирует руководство министерства обороны на расширение и увеличение деловых контактов с этим политическим игроком. Содержание взаимодействия ВПЭ с Федеральным собранием заключается в легализации и социальной легитимации уже согласованных и принятых в узких кругах правящей верхушки военно-стратегических решений. В связи с перетеканием основных функций по управлению законотворческой деятельностью к руководству парламента, которое формирует и направляет обсуждение повестки дня, контакты ограничиваются уровнем руководителей палат, основных парламентских фракций и соответствующих отраслевых комитетов.

В настоящее время изменение механизмов и принципов формирования государственного курса обусловило трансформацию моделей ведомственного коммуницирования с социумом и представляющими его общественно-политическими движениями. Если прежде легитимацию отдельных направлений оборонного курса обеспечивало исключительно политическое руководство, то в нынешних условиях ВПЭ вынуждена самостоятельно выстраивать диалог с ведущими

ми социальными аудиториями и негосударственными контрагентами, формируя благоприятную среду выполнения ведомственных функций. Со своей стороны, общество получает дополнительные каналы трансляции собственных интересов в содержание оборонной политики, а также возможность блокировать требования военных, превышающих допустимый уровень социально-экономического напряжения.

Этим фактом обусловлена существующая тенденция расширения горизонтальных коммуникаций ВПЭ с различными сегментами гражданского общества, практика создания совместно с общественными структурами форумов при военном ведомстве. При этом возможности ВПЭ и организаций гражданского общества по влиянию на содержание взаимных коммуникаций весьма асимметричны. Исключительно широкие полномочия в оборонной сфере и отсутствие институциональных противовесов ведомственному монополизму, позволяют ВПЭ подбирать потенциальных контрагентов среди общественно-политических организаций в зависимости от их способности и готовности обслуживать интересы ведомства, либо явочным порядком трансформировать в своих интересах формы взаимодействия с ними.

Завершая анализ взаимодействия военно-политической элиты со своими контрагентами в ходе военно-стратегического целеполагания, автор отмечает последовательное изменение содержания, форм и методов данных интеракций. Вместо продавливания собственных позиций и подходов по существующим военно-политическим проблемам, неизбежно порождающего конфликт интересов, руководство министерства обороны уделяет все большее внимание борьбе за содержание политической повестки дня и предотвращению появления не соответствующих ведомственным подходам альтернатив. Более того, оно все активнее стремится навязывать контрагентам собственные ценностные установки, восприятие и оценки существующих в военной сфере проблем, ведомственное видение путей их разрешения. Тем самым формы влияния на содержание принимаемых решений последовательно смещаются от властного доминирования к применению договорных и манипулятивных практик во взаимодействии с основными участниками процессов выработки оборонной политики, особенно в отношении общественного мнения и организаций гражданского общества.

В **заключении** обобщается основное содержание работы, формулируются выводы диссертации, даются рекомендации по повышению эффективности механизмов формирования оборонных стратегий и относительно регулирования участия высшего военного руководства в указанных процессах.

Основные положения диссертационного исследования изложены в следующих публикациях автора:

Публикации в периодических научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации:

1. Тарусин П.В. Функционально-ведомственные элиты как субъект государственной политики // Власть, 2010, - № 12 - 0,4 п.л.

Другие публикации:

2. Тарусин П.В. Участие ведомственных элит в механизмах формирования государственной политики. / Государственное управление в XXI веке: традиции и инновации: материалы 8-й международной конференции факультета государственного управления МГУ имени М.В.Ломоносова; 26-28 мая 2010 г.: В 3 ч. Часть 1 / Отв. редактор И.Н.Мысляева. – М.: Издательство Московского университета, 2010. – 0,5 п.л.

3. Тарусин П.В. Военно-политическая элита как субъект оборонной политики // Журнал Факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова «Государственное управление. Электронный вестник» Выпуск №24, сентябрь 2010 г. (<http://e-journal.spa.msu.ru/images/File/2010/24/Tarusin.pdf>). -1,0 п.л.

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Тарусин Павел Владимирович

Тема диссертационного исследования:
Военно-политическая элита в процессах формирования оборонной политики

Научный руководитель:
доктор политических наук, профессор
Соловьев Александр Иванович

Изготовление оригинал-макета
Тарусин П.В.

Подписано в печать _____ Тираж 80 экз.

Усл.п.л. 1,0

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова

Отпечатано